

НАШ АРХИВ

Разговоры: Дубчек — Роше — Брежнев*

15 и 16 июля, значит, за месяц с лишним до вступления войск пяти социалистических государств на нашу территорию, французская компартия попыталась выступить посредником между КПЧ и КПСС. Делегация ФКП во главе с Роше встретилась сначала в Москве с Брежневым, Суловым и Пономаревым, а затем в Праге с Дубчеком, Черником, Гайеком и Цисаржем. В 1984 г. записи этих переговоров были изданы в Париже под названием "Kremlin PSF". Часть материалов была напечатана в „Юманите“ ранее, в 1970 г. Из этих источников взяты публикуемые ниже в сокращении записи.

Речь идет об опосредствованной дискуссии между Дубчеком и Брежневым о политической ситуации в Чехословакии до 21 августа 1968 г., из которой очевидно, что КПСС не понимала ее, была плохо информирована о ней, и неверная информация отчасти исходила из Чехословакии.

Эта „опосредствованная дискуссия“ между Дубчеком и Брежневым дает более широкое представление о причинах военного вторжения, чем официальные коммюнике о переговорах между руководством КПЧ и КПСС. Она, например, показывает, что возможности осуществления программы Дубчека по демократизации партии и общества были намного меньше, чем полагали тогда некоторые интеллектуалы, требовавшие через средства массовой информации более быстрых и более радикальных

мер; что решения Дубчека относительно осуществления или неосуществления того или иного мероприятия, которым в Чехословакии не придавали большого значения, совершенно по-иному понимались советским руководством, которое придавало этим мерам намного большее политическое значение; что в окружении Дубчека находились люди, информировавшие о своих подлинных взглядах не его, а других, преследуя свои личные цели; что у Дубчека и Брежнева не было общего языка; одно и то же событие и даже понятие имели для них различное значение и различный вес — например, государственный суверенитет, невмешательство во внутренние дела и т. д.

Ленин говорил, что специфический путь — это возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местной инициативы, что это разнообразие путей, способов и средств, используемых для достижения общей цели — социализма.

До 1968 г. Брежнев также говорил о национальной специфике, об исторических особенностях социалистических стран и о том, что КПСС и СССР никого не принуждают к принятию шаблонов и схем, игнорирующих особенности той или иной страны. В декларации коммунистических партий 1960 г. указывается, что каждая партия в соответствии с конкретными условиями имеет право определять свою политику, формы своей деятельности, и что ни одна партия не имеет права навязывать свои взгляды другим.

Некоторые затронутые в разговорах вопросы заслуживают комментариев. Например, проведение маневров Варшавского договора на территории Чехословакии в июне и июле 1968 г. было предложено Дубчеком и Черником. Они хотели таким образом рассеять подозрения, что Чехословакия хочет выйти из Варшавского договора. Возникает вопрос: было это решение разумным или близоруким? Быть может, следовало дождаться такого предложения со стороны СССР и выступить против него? Но не было ли бы это сочтено провокацией, не послужило ли бы предлогом к вторжению? „Перманентные“ маневры действительно технически облегчили СССР военное вторжение в августе. Но можно ли утверждать, что без этих маневров не состоялось бы военное вторжение на территорию нашей страны? Что мог

* Из книги: Владимир Кадлец. Дубчек — 1968. Кельн. Изд-во "Index".

сделать Дубчек, когда в течение июля чехословацкое правительство несколько раз безуспешно добивалось от военного командования маневров сообщения, когда они закончатся?

Тогдашняя политика Чехословакии основывалась на том, что не следует предоставлять никаких поводов к разрыву, а тем самым и к вооруженному выступлению против страны. Стремление не допустить этого, не делать ничего, что могло бы послужить оправданием вмешательства во внутренние дела Чехословакии, подчеркивается в выступлении Дубчека на заседании ЦК КПЧ 31 мая 1968 г. Дубчек настаивал, чтобы в печати не появлялись „провокационные сообщения о подготовке вторжения социалистических государств в Чехословакию”. Это „оценил” Пономарев, отметив: „Чехи осторожны, они стараются не давать повода для интервенции”. Следовательно, даже публикация сообщений о подготовке интервенции не помешала бы ее осуществлению.

Дубчек, по-видимому, верил в постоянно провозглашаемые декларации о суверенитете, невмешательстве и т. п. Он говорил с Брежневым искренне и откровенно, веря в искренность и откровенность своего собеседника. Быть может, именно доверие к данному ему слову объясняет его первую реакцию на военное вторжение: „Как они могли так поступить со мной?” Поскольку окончание маневров летом 1968 г. откладывалось, Дубчек, как и другие, понимал, что существует вероятность военного вторжения. И все же многие надеялись, что Москва не пойдет на такой шаг, опасаясь последствий вторжения для международного коммунистического движения и международного положения СССР.

Стоит задуматься над некоторыми заявлениями советских руководителей в ходе переговоров с делегацией ФКП: „Мы знаем, что ближайшие сотрудники Дубчека уже не признают его”. Какие сотрудники, кто об этом информировал Москву? „Свидетели утверждают, что ощущается наличие конспиративного центра”, „установлены прямые связи с империализмом”, „нет свободы партийной печати”, „2000 слов — это контрреволюционная платформа”, „правые стремятся не допустить коммунистов на съезд партии”, „трудно предсказать, к каким результатам приведет съезд, чехи сами этого не знают”.

Эти и другие высказывания руководителей КПСС наглядно демонстрируют, насколько искаженными были их представления о событиях в Чехословакии.

В. Кадлец

* *
*

Сообщение о встрече Роше с Суловым и Пономаревым (15 июля 1968 г.)

Роше: Мы хотели бы ознакомиться с вашими взглядами на положение в Чехословакии.

Сулов: Мы весьма озабочены ситуацией, сложившейся в Чехословакии. Руководство КПЧ утратило контроль над событиями, и этим воспользовались антисоциалистические силы. Как грибы после дождя растут разные клубы — пристанища антисоциалистических сил, действующих вне рамок народного фронта. Правые социалисты создали тайные организации. Все это антикоммунистическая деятельность.

Главные средства массовой информации оказались в руках антисоциалистов и используются против КПЧ, против дружбы с социалистическими государствами. Свидетели утверждают, что ощущается наличие конспиративного центра. Мы не можем бездействовать. Поражение социализма в Чехословакии не является ее внутренним делом. Это означало бы развал социалистического лагеря, и мы надеемся воспрепятствовать переходу Чехословакии в империалистический лагерь. К этому наши люди очень чувствительны. 300 тыс. советских солдат погибли при освобождении Чехословакии.

„2000 слов” — это платформа антисоциалистических сил. Это выступление против партии и государства. Это организация антисоциалистического движения. Нас беспокоит, что против этого не борются. КПЧ утратила активность, способность действовать. Мы откровенно говорили об этом с чешскими товарищами. Они признают, что ситуация ухудшилась, обещают

принять меры, но все остается на бумаге. Что касается применения крайних средств, то посмотрим, как будут развиваться события. Перед совещанием пяти коммунистических партий в Варшаве Дубчек потребовал отложить его и провести вместо многостороннего обсуждения двусторонние переговоры, однако уже было поздно.

Пономарев: Можно ли провести аналогию между нынешними событиями в ЧССР и в Венгрии в 1956 г.? Чехословакия — особый случай. Враг извлек уроки, и процесс его распознавания труднее. Соскальзывание происходит медленнее, но антисоциалисты набирают силу. Если бы они действовали открыто, то дали бы возможность и нам и соседним социалистическим государствам очень быстро прийти на помощь. Однако чехи осторожны, они стараются не давать повода для интервенции. Это постепенное соскальзывание к капитализму, но по малозаметным примерам можно увидеть, что такое соскальзывание происходит. Печать публикует статьи против Кольдера и Индры, и их никто не защищает. Печатают статьи против руководящей роли партии, однако их авторы продолжают занимать свои места... Половина членов ЦК потеряла работу.

Свобода печати есть, но не для партийной прессы.

Прослеживаются прямые связи с капитализмом.

Газета „Праце“ напечатала статью в честь Имре Надя „2000 слов“ — контрреволюционная платформа. Следовательно бы предпринять против нее наступление, но Президиум ЦК КПЧ принял очень либеральную резолюцию.

Ваша миссия (посредничество) будет весьма сложной. Дубчек будет заверять вас в чем угодно и нарисует перед вами не ту картину, которую видим мы.

Мы знаем, что ближайшие сотрудники Дубчека уже не признают его, стараются направлять его действия, поэтому он мог бы сделать многое, если бы захотел. Но мы не можем отказаться от Чехословакии.

Суслов: Если бы Дубчек решил бороться, то у него было бы на кого опереться в Чехословакии.

Роше: В Венгрии причиной и оправданием военной интервенции была открытая котрреволюция. Здесь будет труднее так поступить... если чехи предлагают двусторонние переговоры, нужно это предложение принять. К тому же трудно предсказать, к каким результатам приведет их съезд.

Суслов: Они этого сами не знают. Правые стремятся организовать выборы делегатов, чтобы не допустить коммунистов на съезд партии. Рабочие организации в порядке, но на них не обращают внимания.

Роше: Важно, насколько это возможно, избежать крайней меры. Это было бы плохо для вас и для всех наших партий.

Суслов: Мы попробуем. Но потерять Чехословакию было бы еще хуже.

Сообщение о встрече Роше с Брежневым (16 июля 1968 г.)

Роше: Мы, как и вы, считаем, что необходимо бороться с силами, которые угрожают социализму в Чехословакии. Как и вы, мы считаем, что было бы катастрофой, если бы Чехословакия перешла в лагерь капитализма. Но если будет необходимо применить против Чехословакии крайние средства, это тоже будет катастрофа.

Брежнев: Выбор между этими двумя возможностями тоже серьезная проблема.

Роше: Не лучше ли избежать катастрофы, если для этого есть хотя бы минимальная возможность?

Брежнев: *(Пространно изложил, как благоприятно развивались отношения между СССР и Чехословакией после второй мировой войны)...* Ни я, ни другие товарищи не имели отношения к чехословацким политическим судебным процессам в 50-е годы. Большинство из нас даже не знало о них...

Первым событием, которое нас очень обеспокоило, была демонстрация пражских студентов в октябре 1967 г. против недостаточного освещения студенческих общежитий. Это нас обеспокоило, хотя они не выдвигали политических требований. Затем писатели выразили свое несогласие с разрывом дипломатических отношений с Израилем. Мы не вмешивались, но спросили, почему писатели занимаются такими вопросами. Только потом нам стало ясно, что речь идет о группе, организовавшей атаку против КПЧ.

Мы не вмешивались, когда Новотный приехал в Москву на празднование 50-й годовщины Октябрьской революции без Дубчека, — представителя Словакии. Новотный не информировал нас о внутренних трудностях, но в декабре 1967 г. он неожиданно потребовал, чтобы я приехал в Прагу. Тогда же Новотный признал, что он охарактеризовал выступление Дубчека на октябрьском пленуме ЦК КПЧ как националистический уклон и потом перед Дубчеком извинился; что на декабрьском пленуме ожидается острая дискуссия, но никакой опасности он в этом не видит. Я разговаривал и с другими членами руководства и понял, что положение серьезнее, чем считает Новотный, что речь идет о разделении обязанностей первого секретаря и президента.

Был у меня разговор и с Дубчеком. Он продолжался около часа. С Дубчеком у нас были очень дружеские отношения. Никто не говорил о демократизации и либерализации.

(Дальше Брежнев подчеркнул, что он не хотел вмешиваться в кадровые вопросы. Он не возражал против разделения обязанностей, но рекомендовал решать этот вопрос постепенно и обосновать такое решение, например, необходимостью улучшить условия работы президента.)

Однако, я ни в коем случае не касался вопроса, кто должен быть первым секретарем. Я не защищал ни Новотного, ни других. Однако через неделю после избрания Дубчека ситуация совершенно изменилась. Радио, телевидение и печать стали атаковать Новотного как „преступника”. Его обвиняли в том, что было, и в том, чего не было. Вывод? Все было заранее подготовлено. Вдруг в Чехословакии подняли большую шумиху с демократизацией и либерализацией.

После этого Брежнев рассказал о некоторых разговорах с Дубчеком. Так, например, он спросил его: что вы понимаете под демократией? Разве до сих пор у вас не было демократии? Дубчек: У нас не проводились тайные выборы, например — на партийных конференциях, на съездах и т. д. Прежнее руководство этого не разрешало. Брежнев: Так введите их. У нас это введено давно. Измените устав партии. Но зачем нападать на Ломского, Давида, Свободу? Дубчек: Это честные товарищи. Их уберут лишь через мой труп. Однако четырех секретарей ЦК мы заменим, они недостаточно способны.

Брежнев: Мы согласились с тем, что он говорил о замене некоторых кадров, о демократизации партии и т. д. Однако нас беспокоили выпады против некоторых товарищей. Но потом последовали выступления Смирковского, Прохазки, статьи и интервью, смена кадров, о которых раньше Дубчек отзывался хорошо. Это уже делал не Дубчек, а партия под нажимом правого центра. Некоторых товарищей пытались очернить, делали клеветнические заявления, что у них руки в крови. Проявлялся антисоветизм и т. д., призывы к чистке ЦК КПЧ. В феврале я поехал в Прагу на торжественное заседание. В проекте выступления Дубчека я увидел некоторые положения из платформы правого центра: ликвидация комсомола и другие контрреволюционные идеи. Дубчек исправил текст своего выступления, но у меня создалось впечатление, что его настраивают на поддержку чуждых намерений.

Мы договорились о проведении в Дрездене коллективного совещания коммунистических партий.

В Дрездене я зачитал статьи из чехословацкой печати и указал, что это начало хитро организованной контрреволюции, которой они не дадут отпора, а без соответствующего ответа существование партии окажется под угрозой. Товарищи из остальных социалистических стран также указали на такую опасность.

Чехословацкая делегация ответила: поймите нашу ситуацию. Мы видим опасность, но речь идет не об открытой контрреволюции, а лишь об антисоциалистических силах, лишь о контрреволюционной окраске. Они настаивали, чтобы в коммюнике

не говорилось о контрреволюции. Мы согласились, но потребовали, чтобы они сами проявили бдительность.

События развивались. Они не выполнили своих обязательств. Процесс контрреволюции продолжался. Были проведены кадровые изменения в секретариате и в ЦК, там появились неизвестные люди. Я звонил Дубчеку и обращал его внимание на недопустимые статьи в печати и радиопередачи. Я начал сомневаться в его способностях, в его воле руководителя.

Мы еще раз встретились в Москве с Дубчеком, Черником, Смрковским и Биляком. Биляк производит впечатление вдумчивого, теоретически подкованного человека, способного по-марксистски проанализировать ситуацию и стремящегося удерживать Дубчека на правильном пути.

Переговоры продолжались два дня — та же самая история. Чернику было поручено заняться средствами массовой информации и четко определить, что разрешается, а что — нет. Смрковский должен навести порядок на радио и т. д. Мы им сказали, что партия без оружия пропаганды — это аморфная партия. Договорились, что в июне и в июле в Чехословакии состоятся маневры войск Варшавского договора.

Потом начались атаки против СССР, против ленинизма, критическое замечание Цисаржа о ленинизме. И никакого практического отпора. Назревала потребность в новых контактах с КПЧ. Братские партии также требовали встреч с Дубчеком. Мы пригласили Дубчека. Он ответил: приеду в Крым. Мы пригласили и других членов Президиума ЦК КПЧ, чтобы не выделять Дубчека и Черника. Потом мы узнаем, что Дубчек приехать не может.

Появляются „2000 слов”. Мы советовали Дубчеку, чтобы он воспользовался этим и нанес удар по правым. Дубчек по телефону обещал, что он поставит вопрос на повестку дня заседания Президиума ЦК. Однако Президиум не занял наступательной позиции. Вначале Президиум извинился перед авторами „2000 слов”,* потом сделал заявление, которое нельзя считать боевым актом партии. Кригель и Черник в выступлениях по теле-

видению отзывались о „2000 слов” положительно. Опасность для партии увеличивалась. Партия не была сплоченной, ее руководство не было способно к действию. Почти год мы проявляли терпеливость, и уже нужно было что-то предпринять. Братские партии предлагали провести встречу с более широким чехословацким представительством. Мы провели консультации с четырьмя партиями, и было послано приглашение коллективно обсудить имеющуюся информацию о положении в Чехословакии. Чехи отвергли многосторонние переговоры и предложили провести 17–19 августа двусторонние переговоры. Мы ответили, что двусторонние переговоры не могут заменить коллективные переговоры всех партий. Чехи: да, но только после двусторонних переговоров, что означало — после съезда КПЧ.

Варшава (без КПЧ): Единодушная оценка ситуации в Чехословакии как опасной для социализма, возможное превращение КПЧ в социал-демократическую, значит, — в буржуазную партию. Это — угроза достижениям социализма в Чехословакии. Мы послали из Варшавы в Прагу письмо. Если ответят, что они настаивают на двусторонних переговорах, это будет означать, что они не с нами, что они не за коммунизм.

На следующий день я предложил Дубчеку двустороннюю встречу, и в связи с чрезвычайно серьезным положением встречу полного состава политбюро КПСС с президиумом ЦК КПЧ. Это позволит более широкий обмен информацией, а тем самым и обмен мнениями. Я сказал, что мы подаем им руку, в первую очередь ему, и что так надо понимать варшавское письмо. Ведь мы не можем остаться безразличными к угрозе раскола социалистического лагеря. Пять партий пытались помочь, чтобы не нужно было применять крайние меры. Существует дилемма: мы не можем нарушить единство социалистического лагеря, поскольку это поставило бы под угрозу безопасность нашего государства и наших союзников.

Все, что происходит в КПЧ, происходит только в кабинетах. У рабочего класса нет своей трибуны.

Народная милиция* приняла правильную резолюцию.

* Вооруженные отряды партийного актива на предприятиях. — Ред.

* В июле 1968 г. считалось, что „2000 слов” сформулировал коллектив авторов. — Ред.

Дубчек на собрании ее активистов произнес правильную речь, за исключением нескольких неудачных моментов.

Народная милиция приняла резолюцию за социализм, за дружбу с СССР. Она потребовала организовать в Праге митинг и манифестацию против правых. Ни митинг, ни манифестация не были разрешены. Резолюция народной милиции не была опубликована в печати и не передавалась по телевидению. Наоборот, в тот же день телевидение передавало программу о репрессиях в 50-е годы и министр внутренних дел, находившийся в те годы в тюрьме, говорил о мерах, которые он намерен принять против ответственных за деформации. И ни слова в защиту КПЧ.

У нас, таким образом, остаются лишь две возможности, и обе неприятные: либо сидеть, сложа руки, и допустить изменение границ социализма, либо принять крайние меры. Мы сделаем все, чтобы избежать применения таких мер. Но если события будут развиваться так же, и если съезд КПЧ будет демонстрацией ползучей контрреволюции, превращающей КПЧ в социал-демократическую партию и ликвидирующей достижения социализма...

Мы знаем, что это создаст трудности для братских партий. Но со временем эти трудности будут преодолены. Защита КПЧ и социализма будет оправданием в глазах всех братских партий. Но мы сделаем все, чтобы избежать крайнего вмешательства.

Роше: У нас меньше информации, чем у вас. Я поеду в Прагу и буду настаивать, чтобы КПЧ согласилась с варшавским письмом. У меня нет иллюзий, однако это нужно сделать. Необходимо использовать малейший шанс, чтобы избежать крайних мер, вмешательства. Если будут приняты крайние меры, это будет ударом по вам и по всем коммунистическим партиям. Положение окажется еще более тяжелым, чем в 1956 г., главным образом в связи с общественным мнением.

Брежнев: Да, Германия, США и де Голль этим воспользуются.

Роше: Я скажу Дубчеку, что ему необходимо поговорить с советскими товарищами и принять во внимание их точку зрения.

Брежнев: Дубчек всегда со всем соглашается. Для нас он загадка. Говорит правильные вещи, а потом ничего не делает. Почему? Он постепенно сменил в своем окружении тех, кто был там с октября 1967 г. по январь 1968 г., людьми совершенно иной ориентации. Он слишком молод — с точки зрения опыта и молод духом. У него закружилась голова.

Сообщение о встрече Роше с Дубчеком, Гайеком, Цисаржем и Черником

Роше: Мы решительно поддерживаем принцип, что каждая партия должна уважать суверенитет других братских партий. Поэтому мы вовсе не намерены вмешиваться в ваши дела. Однако существует общая серьезная проблема, которая касается нас всех. Поэтому я поехал в Москву, и поэтому я сейчас в Праге.

Мы предложили созвать совещание всех коммунистических партий Европы. Мы считаем такое совещание необходимым, чтобы избежать обострения ситуации, чтобы воспрепятствовать расколу и крайностям, последствия которых очень важны для всего мира и для наших партий. Я приехал во имя дружбы, мною движет беспокойство. Напомню, что Французская коммунистическая партия положительно оценила решения вашего ЦК в январе 1968 г. Я сам поддержал их на заседании нашего ЦК в апреле и желаю вам успеха в программе развития социализма. С апреля началось ухудшение отношений между Чехословакией, с одной стороны, и СССР, Польшей, ГДР, Венгрией и Болгарией — с другой. Я хотел ознакомиться с претензиями к вам советских товарищей, и поэтому мы поехали в Москву. На основании полученной от них информации я убедился, что главный упрек вам — активизация в Чехословакии правых, антисоциалистических сил, и следует дать им соответствующий отпор.

Вследствие отмены цензуры, в условиях свободы печати некоммунисты, в той или иной степени враждебные социализму, могут поставить под сомнение руководящую роль партии, атаковать ее политику, ее руководителей и не получают соответствующего отпора. Мы читали статьи ваших интеллектуалов, которые ставят под сомнение основные принципы внешней политики Чехословакии, особенно дружеские связи с СССР.

Улучшение отношений между КПЧ и КПСС чрезвычайно важно для всего международного коммунистического движения. Ситуация очень серьезная, и я бы сказал, опасная, тем более что империалисты начеку.

У нас недостаточно сведений о положении в вашей стране, чтобы выработать собственное мнение. Действительно, ли печать, радио и телевидение ускользают из-под контроля партии и социалистического государства? Нас это беспокоит, потому что такое положение чревато опасностями.

Мы понимаем, что в условиях свободы печати некоммунистическая пресса может распространять нежелательные материалы. В таких случаях партийная печать должна решительно отвечать, опровергать неверные взгляды, чтобы воспрепятствовать их влиянию на население.

Так, было опубликовано воззвание „2000 слов”, которое использовалось как средство нажима на партию перед ее съездом. Президиум вашего ЦК назвал это воззвание атакой на партию, на социализм. Но печать, радио и телевидение широко распространяли заявление „2000 слов”. Оказалось возможным выдвинуть лозунг „профсоюзы без коммунистов”, который показывает, что элементы, враждебные партии, перешли в наступление.

Майский пленум вашего ЦК охарактеризовал правую опасность как главную, однако советские товарищи считают, что это не было подкреплено никакими практическими мероприятиями. Советские товарищи обеспокоены, потому что продолжающееся наступление правых создаст серьезную угрозу социализму.

Мы читали очень хорошие заявления о внешней политике Чехословакии, сделанные вами и другими руководителями КПЧ. Однако ваш разрыв с СССР сделал бы вас уязвимыми для Германии и США. Мы понимаем, что СССР не может допустить такого положения.

Необходимо искать согласия и осуществлять подлинное сотрудничество. Это зависит не только от вас, но в значительной степени и от вас. Необходимо достичь договоренности, учесть правильную критику ваших действий. В конце концов, в ответе

на варшавское письмо пяти коммунистических партий вы сами признаете недостаточную активность и слабость КПЧ в определенных обстоятельствах.

Ситуация серьезная. Необходимо стремиться к встрече и к дискуссиям с советскими товарищами и с товарищами из остальных социалистических стран. Необходим постоянный контроль над партийной печатью, чтобы партия в борьбе против правых и антисоциалистических сил могла твердо опереться на рабочий класс. Мы заинтересованы в благоприятном выходе из нынешней сложной и опасной ситуации, в соблюдении принципа независимости каждой коммунистической партии и интересов единства нашего движения.

Созыв совещания всех европейских коммунистических партий был нашей инициативой, мы не советовались с другими партиями. Мы считаем, что такое совещание могло бы привести к удовлетворительному решению наших общих проблем.

На вопрос Дубчека, излагает ли Роше взгляды советских руководителей или свои собственные, тот ответил, что не был уполномочен высказывать взгляды советских руководителей. В Москве он лишь выслушал их, а здесь только напомнил о них. Его собственная позиция сводится к тому, что ситуация очень серьезная.

Роше: Например, советских товарищей обеспокоила публикация „2000 слов”. Мы тоже считаем эту платформу опасной. Наше отношение к выступлениям в прессе интеллектуалов отличается от вашего... Например, статья об Имре Наде. Это очень нехорошо по отношению к венгерским товарищам. Повторяю, я недостаточно осведомлен, чтобы представить себе цельную картину, и пока вообще не намерен этого делать. Мы приехали, чтобы выслушать вас.

Дубчек: У нас нет никаких секретов, и мы приветствуем любые вопросы. Нам известно, что в апреле ваш ЦК поддержал нас. Вы высказали опасения по поводу возможности разрыва между КПЧ и КПСС и с другими четырьмя коммунистическими партиями. Я хотел бы подчеркнуть, что наша партия никогда

не давала повода для разрыва и разговоры об опасности разрыва нам непонятны.

В последние две—три недели (разговор происходил 19 июля) произошли совершенно непонятные для нас события. Мы хотим избежать разрыва, поскольку убеждены, что мы для него не дали никакого повода. Мы весьма заинтересованы в улучшении отношений с КПСС и с остальными социалистическими странами. Наш ЦК уполномочил нас действовать в этом духе.

Вы сообщили о вашем предложении созвать конференцию всех коммунистических партий Европы, хотя и не обосновали его. Я тоже не буду входить в подробности и отвечу, что совещание, которое занималось бы только Чехословакией, нам не представляется целесообразным. Ситуация, конечно, может измениться. Но конференция, посвященная обсуждению и оценке только одной партии, вряд ли будет полезной. Остальные коммунистические партии недостаточно осведомлены о нашей ситуации, и поэтому не в состоянии верно ее оценить. В принципе мы не против коллективных совещаний. Но если партии хотят оценить деятельность братской партии, они должны обладать достаточной информацией для квалифицированной оценки. Для этого они должны были бы посетить нашу страну и встретиться с нами.

Если они обеспокоены нашей политикой, им следовало бы ознакомиться с нашей деятельностью. Двери нашей страны открыты, каждый может ее посетить.

Да, у нас есть заботы. Но через несколько недель состоится съезд партии. Он должен решить основные вопросы. Мы не опровергаем идею коллективного совещания коммунистических партий. Мы говорим, однако, что сначала нужно встретиться в двустороннем порядке. Мы говорим также, что коллективное совещание не должно ограничиваться анализом ситуации в одной из партий. Мы говорим, что братские партии должны прежде всего получить информацию на месте, в нашей стране, чтобы их оценка была правильной и полной.

Наша внешнеполитическая линия — социализм, дружба с СССР, Варшавский договор, СЭВ. С января мы повторяли это неоднократно. Наша позиция не отличается от вашей и от позиции остальных коммунистических партий. Вы сказали, что у нас

имеются враждебные социализму силы. Да, такие силы существуют, но они есть и в других странах. Это естественно, мир разделен. Но на стороне империализма нет такой силы, которая заставила бы нас отказаться от социализма. Мы за СССР, и нет фактов, которые доказывали бы противоположное.

Вы напомнили, что с апреля—мая наши отношения с КПСС ухудшились. Я не могу привести точной даты, но мы думаем, что резкое изменение произошло несколько недель назад, примерно между 28 и 30 июня. Может быть, из-за „2000 слов“, может быть, по иной причине. В любом случае, начался поворот. Я не хочу строить догадки о причинах такого поворота.

Ухудшение отношений с остальными социалистическими странами началось не по нашей вине. Например, за шесть месяцев произошло лишь одно достойное сожаления событие — статья об Имре Наде. Плохая статья. Но она была напечатана лишь в одной газете, и это все. Наоборот, в „Руде право“ опубликовали статью, весьма положительно оценивающую политику венгерской партии под руководством Кадара. Мы осудили плохую статью о Наде, появившуюся как раз в те дни, когда я с нашей делегацией был с дружественным визитом в Будапеште. Этот наш визит был проявлением искренней взаимной дружбы.

Гайек: В то время я вел переговоры с болгарскими товарищами. У нас не было абсолютно никаких разногласий. Мы констатировали это как раз в день, когда в Праге получили варшавское письмо.

Дубчек: Некоторые наши непартийные газеты допустили ошибки по отношению к советским товарищам. Так, например, сенсация в связи с обстоятельствами смерти Яна Масарика. Но „Руде право“ разъяснило позицию нашей партии. Подробности смерти были тщательно расследованы и доказывали, что это было самоубийство... Правда, некоторые отстаивают иное мнение. Но мы убеждены, что вскоре внимание к этому вопросу развееется.

Да, публиковались и все еще публикуются плохие статьи. Но почему это должно быть причиной ухудшения отношений между коммунистическими партиями? Почему наши отношения

должны ухудшиться, если кто-то выскажет свое мнение? Ни партия, ни какой-либо официальный орган за это не несет никакой ответственности, их нельзя обвинять в том, что они дали повод к ухудшению отношений.

Роше: Однако на Западе этим злоупотребляет буржуазная печать.

Цисарж: Если этим злоупотребляют западные средства массовой информации, это не вина КПЧ.

Дубчек: Люди действительно несколько одурманены обретенной свободой, но это пройдет. Возможно, мы не успеваем со всем справиться. Но мы уже перешли в наступление, и это должно способствовать улучшению наших отношений с братскими партиями.

Мы понимаем, что советские товарищи могут быть обеспокоены некоторыми явлениями. Например *Клуб 231*. Его члены боролись за реабилитацию невинно осужденных в 50-х годах и за возмещение им ущерба. Среди членов клуба были и нежелательные элементы, некоторые были чересчур шумными. Но, за редкими исключениями, они действительно были жертвами несправедливости, и их следовало реабилитировать. Мы приняли меры по ускорению реабилитации невинно осужденных, а не полицейские меры по подавлению их деятельности. И сейчас *Клуб 231* не имеет никакого влияния, о нем почти не слышно. Другой пример: несколько человек пытались восстановить социал-демократическую партию. Мы беседовали с ними, приводили аргументы, провели разъяснительную работу в печати, и все затихло. Почему они не в тюрьме? Возможно, в СССР их бы посадили. Но неужели это необходимо, если в нашем распоряжении достаточно политических средств, чтобы опровергнуть их аргументы? Кроме того, такие люди наперечет. А правые? Власть в наших руках, и мы не должны бояться людей, ведущих дискуссии на улицах.

Угроза нашей западной границе? Конев и другие приехали и убедились, что все в порядке. Солдат на границе сейчас больше, чем раньше.

Маневры? Я и Черник предложили провести маневры в Чехословакии, чтобы продемонстрировать миру единство Варшавского договора. Несмотря на это, возникло недоразумение! Было договорено, что маневры состоятся в конце июня — начале июля. Поскольку западная печать писала, что СССР намерен оккупировать Чехословакию, было принято решение сообщить точную дату маневров. Но после маневров войска остались. Пусть бы на неделю. Но это продолжается до сих пор. Люди забеспокоились, стали говорить: они останутся до съезда партии. Правительство потребовало назначить дату окончания затянувшихся маневров, чтобы можно было сообщить об этом народу. Никакого ответа! Мы сами обеспокоены: если не дать объяснения, общественное мнение обернется против нас и примет антисоветский характер. СССР говорит: вы убираете старые кадры, старых коммунистов. Мы ввели тайное голосование на партийных конференциях, чего старое руководство не допускало. И что стало происходить? То на одном, то на другом заводе отказываются переизбрать прежнего секретаря парткома... Но, может быть, новый секретарь лучше прежнего? Когда люди могут выбирать, они иногда меняют функционеров.

О лозунге „профсоюзы без коммунистов“. Появилось несколько листовок, и это все. Это случилось лишь на одном пражском заводе, в Тесле. Работает там около 2000 человек, преимущественно женщины, молодые девушки.

О „2000 слов“. Я не хочу обсуждать, антисоциалистическое это заявление или нет... Люди, которые его подписали, пользуются чрезвычайным уважением общественности, раньше они вообще не занимались политикой. Поймите, по отношению к этим известным людям нельзя применить административные методы. У нас есть для этого все необходимое. У нас есть сила, народная милиция. На фабриках у нас 70000 людей под оружием, готовых выступить в случае необходимости. Но применить силу в этом случае? Это было бы катастрофой. Я заявил на митинге, что мы против „2000 слов“, что осуществление требований этого заявления привело бы к анархии. Но не было ни одной манифестации в поддержку „2000 слов“... Если я могу нейтрализовать такие требования политическими средствами, почему я должен прибегать к административным методам? Если

бы я поступил таким образом, стали бы говорить, что я не способен руководить политическими методами. Однако я не хочу преуменьшать правую опасность. Она существует и будет существовать во всех социалистических государствах.

Черник: Прежняя политика власти в руках одного человека во всех слоях населения вызвала чувство гнева против КПЧ. Сегодня есть только два пути: либо ликвидировать крайности — и правые и левые, либо укрепить основное направление и таким образом ослабить крайности. Если бы представители экстремистских направлений организовались, мы наверняка применили бы крайние меры. Но наша политика приносит хорошие результаты. Главное течение укрепляется и за счет левых и за счет правых.

Единоличная власть акцентировала централизм. Связь между руководством и народом была нарушена полицейской системой и цензурой. Сегодня люди стали принимать участие в демократическом процессе. Коммунист не должен бояться активности масс. Коммунистическая партия должна быть способна возглавить этот процесс.

Советские говорят, что у нас контрреволюционная ситуация. Мы не согласны. У нас нет контрреволюционной ситуации. Побудьте у нас месяц, походите по улицам, и вы сами в этом убедитесь. На сегодня назначено заседание ЦК. Мы запретили посылать делегации для приветствия. Несмотря на это, мы получили 2400 приветственных резолюций, никем не организованных. Например, 18.500 трудящихся одной пражской фабрики по собственной инициативе подписали резолюцию, что согласны с нашим ответом на варшавское письмо пяти партий. Разве это контрреволюция? Разве миллионы людей, которые нас поддерживают, — контрреволюционеры? Сказать им это — значит обидеть их. Треть армии — коммунисты, и они идут с нами. Нужна ли нам в таком случае помощь других государств? Все офицеры нас поддерживают. Разница между нами и советскими товарищами заключается в методах управления.

Дубчек: Без какого-либо призыва, после январского пленума в КПЧ вступило 15 тыс. новых членов. Мы не поддерживаем эту тенденцию, потому что это был бы настоящий потоп.

Советские товарищи не приехали к нам, чтобы ознакомиться с положением, они хотят вести переговоры только при закрытых дверях. Мы послали им три письма с приглашением на двусторонние переговоры, которые предшествовали бы многосторонним. Почему они отказались приехать?

Я в партии 30 лет. Мой отец был одним из первых членов партии. Мы сделаем все, чтобы найти положительное решение. Так постановил наш ЦК.

С нами полемизируют по поводу статей и резолюций, которые не отражают линию партии, или которые они сочли антисоветскими. Но в Венгрии и в Польше пришлось изменить даже название партии, настолько они были дискредитированы в глазах общества. У нас же люди с нами, и если появилось лишь несколько (нежелательных) статей, это, собственно говоря, победа. Почему нужно „расстреливать“ людей?

Отношения с советскими товарищами ухудшились не по нашей воле. Почему это произошло? Куда это поведет? Я не знаю. Может быть, их цель — реставрировать доянварский режим? Но наши люди это не поддержат.

Роше: Мы поддержали решение ваших пленумов в январе и апреле. Наша позиция не изменилась. Я принимаю во внимание ваши объяснения, как и точку зрения Москвы. Было полезно выслушать разные точки зрения, чтобы составить правильное представление о сложившейся ситуации.

Мы желаем вам успеха. Мы всегда считали, что развитие социалистической демократии (это и наша программа) — требует политического ответа враждебным партии элементам, правым силам. Я тоже не знаю, почему возникла столь напряженная ситуация, но я чувствую, что могут произойти серьезные события. Разрыв между КПСС и КПЧ чреват серьезными последствиями для всех стран Европы. Необходимо встретиться, все обсудить и уладить. Мы заинтересованы, чтобы проблема была решена в сотрудничестве вашей страны с партиями социалистических стран в интересах всего нашего движения.

Дубчек: И мы желаем того же. За шесть последних месяцев не было ни одной вражеской манифестации. Нужно оставить нас в покое.

Политбюро ФКП отвергает варшавское письмо
(23 июля)

Через четыре дня после возвращения Роше из Праги, почти за месяц до вторжения иностранных войск на территорию Чехословакии Политбюро ФКП отказалось поддержать варшавское письмо пяти коммунистических партий:

„Дорогой товарищ Брежнев!

Политбюро ФКП не может принять Ваше предложение присоединиться к письму пяти коммунистических партий, посланному из Варшавы руководству КПЧ.. Это письмо ставит под сомнения принципы, на которых должны строиться отношения между коммунистическими партиями. Оно развязывает процесс, который может привести к чрезвычайно серьезным последствиям для социализма и международного коммунистического движения. Декларация коммунистических партий 1960 г. провозглашает независимость и равноправие компартий, их право выработать свою политику в соответствии с конкретными условиями своих стран... Каждая партия ответственна перед рабочим классом и трудящимися своей страны.. Наша партия твердо стоит на этих принципах. Каждая партия, в зависимости от конкретных условий, имеет право определять свою политику, формы своей деятельности, методы борьбы... Ни одна партия не может навязывать свои взгляды другим партиям...

Варшавское письмо ставит под сомнение эти основные принципы и представляет собой открытое вмешательство во внутренние дела братской партии, и мы не можем его поддержать.

Военная интервенция в Чехословакию будет катастрофой для международного коммунистического движения; престижу СССР и остальных социалистических стран будет нанесен серьезный ущерб...”

Людвик Вацулик

ДВЕ ТЫСЯЧИ СЛОВ,

с которыми мы обращаемся к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, деятелям искусства и всем другим.

Ранее нашему национальному существованию угрожала война. За тем последовали тяжелые времена и события, опасные для его духовного здоровья и характера. С надеждой приняло большинство народа программу социализма. Однако бразды правления оказались в руках неподходящих людей. Было бы не столь существенно, что им недоставало опыта государственной деятельности, знаний и философского воспитания, если бы они обладали здравым умом и порядочностью, были бы способны выслушивать другие мнения и позаботились, чтобы на смену им постепенно приходили более способные.

Коммунистическая партия, пользовавшаяся после войны широким доверием людей, постепенно разменяла его на правящие посты, и когда заняла их все, у нее ничего другого уже не осталось. Мы обязаны сказать о том, что знают и наши коммунисты, разочарованные не меньше остальных. Ошибочная линия руководства превратила партию из политического и идейного объединения в организацию власть имущих, ставшую весьма привлекательной для тжеславных эгоистов, рассчетливых трусов и людей без совести. Такое пополнение повлияло на характер и поведение